

Эдуард

Веркин

СТРАШЦЫ

ПРАВДА
о привидениях

ЭКОМО

Эдуард Веркин

Правда о привидениях

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165363

Веркин Э. Правда о привидениях: Повесть: Эксмо; М.; 2005

ISBN 5-699-12121-8

Аннотация

«Зачем вы поселились в этом доме? – спросил меня тогда парень по кличке Горох. – Немедленно уезжайте отсюда! Будет беда!» Но я не послушал его и не рассказал о предупреждении родителям, потому что не знал, насколько опасно жить по соседству с ведьмой... Однако вскоре выяснилось: этот самый Горох умер много лет назад... Значит, я разговаривал с привидением? Но это меня ничуть не испугало. Ведь пугать начало совсем другое: шорох, стук когтей по полу, ощущение присутствия в доме чего-то неведомого... Она мне только видится или существует на самом деле – эта призрачная белая кошка с кошмарной улыбкой?..

Содержание

Глава I	4
Глава II	11
Глава III	20
Глава IV	30
Глава V	42
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эдуард ВЕРКИН ПРАВДА О ПРИВИДЕНИЯХ

Глава I Без белых кошек

Тогда я увидел.

По лестнице поднималась кошка. Та самая. Белая, как молоко.

Она поднималась медленно, припадая на правую переднюю лапу. Когти мелко цокали по ступеням.

Пропустил один глаз. Где? Спальни, холл, кухня, гараж, кладовки, чердак... Нет, вроде все замазал. Все. Но она проникла. Просочилась. А может, она всегда была здесь? Всегда была с нами.

Я шагнул назад.

Кошка увидела меня и улыбнулась. Зубов у нее не было, просто красная дыра.

Я шагнул еще. Зацепился пяткой за ступеньку, больно шлепнулся задницей. Кошка снова улыбнулась. Я попытался подняться, но воздух неожиданно стал плотным и вязким,

воздух удерживал меня, не отпускал. Больше того, он потянул меня вниз, навстречу этой проклятой твари, навстречу ее глазищам.

Раскинул руки, попытался схватиться за перила лестницы и подтянуться, не получилось – слишком далеко, лишь съехал еще на ступеньку вниз.

Кошка приближалась. До нее уже было не больше десятка ступеней, я мог разглядеть каждую шерстинку на ее загривке, разорванное ухо, непропорционально большие лапы и когти. Когти.

Я рванулся. Как только мог. Оттолкнулся ногами, оттолкнулся всем телом... Сгустившийся воздух уступил. Я оторвался от лестницы и перевалился на пол второго этажа.

Подняться не смог, воздух давил, прижимал к паркету, как змею, плющил, плющил... Поэтому я пополз. Проталкиваясь через плотную, густую воздушную массу.

Дверь комнаты. Она была почти в самом конце коридора, метров двадцать до нее.

Я полз. Полз, задыхаясь, выбиваясь из сил. Не оглядывался, боялся, что эта белесая бестия подобралась уже слишком близко.

Перед дверью я упал лицом в доски и лежал секунд десять. В коридоре было тихо. Я так и не осмелился обернуться. Дотянулся до ручки двери, дернул и ввалился в комнату. Приткнулся спиной к двери. Закрыл замок.

Тишина. Тяжелая, пыльная тишина, тишиною залит весь

дом.

Но что это? Дверь царапают. Легкое такое поскребывание. Скреб-скреб, скреб-скреб. У меня на руках поднимаются волосы, рубашка прилипает к спине, я ясно ощущаю присутствие зла... Зло у меня за спиной.

Я подпрыгиваю, поворачиваюсь к двери...

Шорох. Шорох за спиной.

Я не могу обернуться. Страшно.

Она в комнате.

Белая кошка. Я знаю, что это она. Белая.

На этом месте я всегда просыпаюсь. В голове срабатывает переключатель, подсознание бережет меня от того, чего я не хочу видеть.

Больше не хочу никогда видеть.

Дверь открывается. В комнату проскальзывает Катька. В руках у нее книжка. Сказки. «Путешествие Нильса с дикими гусями»¹. Закладка в виде золотой рыбки. Катька ставит книжку на тумбочку, садится на табуретку рядом с моей кроватью, берет меня за руку.

– Опять? – спрашивает Катька.

Я киваю.

– Белая?

– Белая.

¹ «Путешествие Нильса с дикими гусями» – полное название «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями». Повесть-сказка, книга шведской писательницы Сельмы Лагерлёф.

Катька достает из кармана пижамы теннисный мячик и начинает стучать им в стену. Снизу, с первого этажа, стучат по трубе родители.

– Проснулись, – вздыхает Катька. – Может, тебе к доктору сходить?

– К доктору сходишь – потом на учет поставят, как дурачка – клеймо на всю жизнь. Не, лучше уж я так...

Катька подбрасывает мячик в потолок. Роняет его, и мячик закатывается под кровать.

Катька смотрит на меня. Я отрицательно качаю головой.

– Ну, пожалуйста, – просит Катька.

Я плюю и лезу под кровать. Это довольно неприятно – ползти в темноту, но от Катьки ведь не отмажешься, будет до утра сидеть и канючить.

Мячик отыскался в углу. Я стукнулся головой о раму кровати и набил шишку.

– Ну что там? – спросила Катька.

Я не ответил. Лежал себе тихонечко.

– Ты чего? – в голосе Катьки послышалось волнение.

Я выпустил мячик, он выкатился из-под кровати. Сам я, затаив дыхание, ждал.

– Вылезай.

Катька не вытерпела и заглянула под свесившуюся простыню. Осторожно пощупала меня за ногу.

– Что с тобой? – всхлипнула Катька. – Вылезай давай...

Она взяла меня за ногу и попыталась вытащить. Не полу-

чилось.

Катька ойкнула и полезла ко мне. Затормошила, попробовала ущипнуть. Я рывкнул и схватил Катьку за плечо. Катька завизжала.

– Шучу! – я отпустил Катьку, и она сразу же выскочила из-под кровати.

– Дурень, – сказала она. – Испугал. Я тебе говорила, чтобы ты меня не пугал! И мама тебе говорила. Ты же обещал!

Я тоже выбрался наружу.

– Извини. Больше не буду.

– Ты всегда так говоришь. А потом все равно пугаешь.

Пугаю. Потому что самому страшно. А тут Катьку пугаешь – и вроде не так уж и плохо. Лучшее средство.

– А если она сбежала? – спросила шепотом Катька и оглянулась на окно.

– Прекрати вертеться! – я схватил Катьку за руку. – Что за глупая привычка завелась! Времени прошло сколько, а ты все еще трясешься. Трусиха! Катька, ты настоящая трусиха!

Катька надулась.

– Если бы она сбежала, Рыся бы нам сообщил, – успокаивал я. – Позвонил бы, или письмо написал. К тому же... К тому же все то, что случилось... Это уже прошло. Прошло, и нечего это вспоминать. Ей не сбежать.

– А вдруг он не смог позвонить?

– Как это не смог? В честь чего это он не смог?

Катька снова зашептала:

– Всякое могло случиться. Номер не смог набрать. Потому что ему руки оторвали...

– Все в порядке, – оборвал я. – Все в полном порядке. Нечего об этом думать. Даже если с Рысей что-то случилось, она нас не найдет. К тому же я ему на прошлой неделе посылал эсэмэску, и он мне ответил, что у них дожди...

– Покажи! – требует Катька.

– Чего тебе показать?

– Эсэмэску.

– Я ее стер сразу, чего память загружать. И в восьмисотый раз повторяю – она нас не найдет...

– Ага, не найдет, – подмигивает мне Катька. – А чего же ты тогда из папиного пистолета в кошку соседскую стрелял? Она не совсем, между прочим, белая, с рыжиной, а ты ей полхвоста отстрелил! Хорошо хоть промазал...

– Я не промазал, – сказал я. – Я отстрелил ей полхвоста. Если бы я хотел отстрелить голову...

– А зачем тогда вообще стрелял?

– Не люблю белых кошек. В белых кошках есть что-то ненормальное. Белые кошки гораздо страшнее черных... Эта кошка лазила здесь, лазила, лазила, лазила...

– Ладно, ладно, – Катька погладила меня по руке. – Не нервничай. Тебе же нельзя нервничать.

– Нельзя, – согласился я. – От этого руки трясутся.

Я взял с тумбочки стакан с лимонной водой, выпил.

– Ты знаешь... – Катька попыталась оглянуться. – Только

ты не пугайся!

Но я пугаюсь. Я пугаюсь, теперь я пугливый, очень пугливый.

– Я видела...

– Иди спать, – говорю я Катьке. – Все. Ничего ты не видела. Больше никаких белых кошек. Мы живем без белых кошек!

Катьке не хочется уходить.

– Знаешь, я слышал историю. Там про одну девочку, которая нашла в лесу почти мертвую собаку...

Катька не хочет слушать историю про почти мертвую собаку. Берет своих диких гусей и уходит.

Я остаюсь один. Какое-то время я сижу просто так. Затем подхожу к двери, закрываю и для верности подпираю ее гирей.

Опускаю жалюзи. Делаю шаг от подоконника. Стучу кулаком по паркету. Отыскиваю место со звонким звуком. Поднимаю пластинки. Под ними тайник. Я сам его оборудовал, тайник – вещь просто незаменимая.

Долго смотрю в треугольную дыру в полу, затем достаю из нее продолговатый полиэтиленовый сверток.

Глава II

Там живет ведьма

Дорога пошла хорошая, и Катька сразу же достала из сумочки Кена и Барби и стала играть в школу.

Все эти «Кен, подойди к доске», «Барби, дай дневник» и «Кен, вымой руки» мне смертельно надоели уже через пятнадцать минут, я вынул из кармана записную книжку и сделал вид, что внимательно читаю.

– Чего это ты читаешь? – сразу же спросила Катька.

– А, так, история одна...

– Какая? – Катька бросила своих кукол и уставилась на меня. – Расскажи!

– Это такая история, – я напустил на себя задумчивости, – о ней лучше не рассказывать...

– Почему это? – спросила Катька.

– Девчонки от нее пугаются и спать не могут потом. Это история только для мальчишек. Так что лучше...

– Расскажи, расскажи, – заканючила Катька. – А если не расскажешь, то я папе расскажу, что ты математику не сам делал, а у Филиппова списывал.

– Ну, смотри, – я понизил голос. – Сама напросилась. Только никому больше не передавай, а то тебя найдут.

– Кто найдет?

– Те, кому надо, найдут. Один парень рассказал эту историю своему брату, а на следующий день их нашли мертвыми. Они оба задохнулись в сугробе, торчали там вниз головами.

– Знаешь, я чего-то боюсь...

– Если ты никому не расскажешь, то тебе нечего бояться. Ты ведь не расскажешь?

– Не... – но в голосе Катьки уверенности я не услышал.

– Ну, смотри. В одной школе, в нашем городе, кстати, был новогодний карнавал. Но не простой карнавал, а тематический.

– Как это? – спросила Катька.

– Ну, это когда все в тему одеваются. Например, все одеваются древними римлянами, или космонавтами, или морскими пехотинцами. А на этот карнавал все решили наряжаться всякими чудовищами. Наступал Новый год, тридцать первое декабря, все пришли в школу, все приготовились. В семь часов вечера во всей школе собрались выключить свет, чтобы в темноте все переоделись каждый в свой костюм, а когда свет включится, все были бы уже одеты и не могли бы узнать друг друга. Так и произошло. Свет выключили, а когда через пятнадцать минут включили, народ был уже в костюмах. Вампиры, скелеты, зловещие мертвецы всякие. Но круче всех была маска оборотня. И маска, и костюм – все как настоящее. Тут по связи объявили, что начинается праздник, и школьники рванули в спортзал. А там все как водится – елка, музыка, танцы, конкурсы всякие дурацкие, красота, ко-

роче. Все наплясались, навеселились, а как пробило десять часов, так пришло время снимать маски – традиция такая. Ну, все и стали снимать костюмы. А когда сняли, оказалось, что оборотень остался в маске. Тут все засмеялись и стали требовать, чтобы он немедленно маску снял. Окружили его и давай дергать. А костюм не снимается. Они стали сильнее дергать. Ни в какую! Тогда подбежал физкультурник, он штангист – и как дернет!

Я сделал паузу.

– И что? – дрожащим голосом спросила Катька.

– И тогда оборотень зарычал и вцепился в горло учителю физкультуры. И вдруг свет погас и больше не загорался, в темноте были слышны крики и стоны...

Я замолчал.

– А потом? – спросила Катька.

– Утром насчитали восемнадцать трупов, – закончил я.

Катька молчала.

– Кать, – спросил я, – а ты знаешь, кто был тот оборотень?

– Кто? – Катька напряглась.

– Тот оборотень был... – я начал смотреть Катьке за плечо. – Тот оборотень это... Это... Я!!!

Я зарычал и щелкнул зубами, Катька завопила и забарабанила по крыше кабины, чтобы ее сняли из кузова. Машина остановилась, мать выглянула в окно и спросила, что происходит.

Катька немедленно на меня нажаловалась и сказала, что

не собирается ехать со мной в кузове дальше. Мать забрала ее в кабину. Я остался в блаженном одиночестве, расположился на мешках с вещами и стал смотреть в небо, где острой стрелкой шел маленький ястреб.

Машина катилась, асфальт был легкий, свежеположенный, и уже в час дня мы въехали в Унжу. В Унже асфальта не было.

Вещей у нас было немного, все вошло в один грузовик. Это потому, что мы переезжали ненадолго, всего на два года. Папашка у меня строитель, и его направили сюда строить то ли элеватор, то ли рефрижератор, а может, вообще какой-нибудь регенератор. Это было очень нужно ему по работе, после того как он построит тут регенератор, его должны сразу отправить в Москву на повышение. Я не был в восторге от ссылки в Унжу, но в Москву мне попасть очень хотелось. В Москве для меня полно возможностей – я ведь старый геймер, почти профессиональный. В смысле игрок в компьютерные игры. Даже в соревнованиях участвовал. А в Унже вряд ли есть компьютерный клуб, придется с собой играть. Это скучно и тяжело. Но делать нечего. Я собрал волю в кулак, упаковал свой комп в коробку и собственноручно погрузил его в самый безопасный угол грузовика.

Впрочем, в поездке в деревню были и свои плюсы. Я узнал, что в здешней школе учится всего двадцать ребят. И это во всех классах. В моем седьмом классе всего три человека. Здорово – три человека и учитель. Такие занятия – все

равно что занятия с репетитором, только бесплатным. Большая экономия для семейного бюджета.

К тому же вряд ли в деревне еще у кого-нибудь имеется по-настоящему мощный компьютер. Наличие же машины, думал я, обеспечит мне известный авторитет и уважение среди немногочисленных сверстников.

Но до занятий было еще далеко, и мне предстояло почти месяц обживаться в новом жилище. Сначала нас хотели поселить в гостинице в районном центре, но от гостиницы до стройки было почти два часа езды, поэтому нас поселили в незанятом двухэтажном доме. Оттуда, как нам сказали, стройку видно в окно, можно на велосипеде доехать.

Деревня оказалась довольно большой, я бы даже сказал, что это не деревня, а село. Правда, народу что-то было не видать – грузовик протряс нас по улицам, а навстречу нам не попало ни одного человека. Ни одной собаки. Я подумал, что, скорее всего, все ушли в поле возделывать какую-нибудь зябь. Ну и хорошо.

Грузовик переваливался по рытвинам и ухабам, я держался за борта и рассматривал свое будущее место жительства. Дома все были довольно хорошие, не кривые, не побитые градом и не перекособооченные разными ураганами, нормальные дома. Пару раз даже попались двухэтажные особнячки, наверное, обители агронома и председателя. Папахиен сказал, что мы тоже будем жить в двухэтажном доме, и теперь я усиленно его искал, вертя головой. Но я увидел

его не сразу. Оказалось, что за деревней начинался крутой и долгий спуск к реке, и дом было видно лишь с самого края села. С околицы, так это, кажется, называется. Мы подкатили к этой самой околице, грузовик снизил скорость и стал сползать вниз. Тогда-то я и увидел дом.

Он был построен из белого кирпича, крыша покрыта красной черепицей, а вокруг – внушительный кирпичный забор. Видимо, раньше здесь жил местный миллионер, хозяин хлебозавода или какой-нибудь заправки.

Мне дом понравился. Он выглядел вполне современно. В таких домах обычно имеются спортзал, сауна, может быть, даже маленький бассейн. Дом вселил в меня надежду на то, что мое пребывание тут не будет совсем уж мрачным. Стройку, где должен был инженерить мой папа, и в самом деле видно – на другом берегу реки возвышались белые полукруглые строения, а через реку переброшен худосочный понтонный мостик. При желании можно и на велосипеде проехать.

Когда до дома осталось метров двести, дорога вильнула, и я увидел, что наш особняк на берегу не один. Совсем недалеко от него еще дом. Если это строение можно было, конечно, назвать домом. Приземистое сооружение, вросшее в землю почти по окна. Некрашенные бревенчатые стены, посеревшие от старости. Крыша покрыта дранкой, на дранке давно поселился зеленый мох. Из трубы, несмотря на жару, ползет дымок.

Метрах в десяти от мрачного дома торчали из бурьяна ка-

кие-то обугленные поленья, скорее всего, там была баня, а потом она по каким-то причинам сгорела.

Грузовик остановился. Кабина открылась, и на воздух вывалился водитель, потом вылезли маман и моя сестра Катерина. Папахена пока не было – он улаживал дела на своем старом объекте и собирался приехать к нам недели через две.

– Прибыли, – матушка постучала ладонью по железным воротам. – Тут сигнализация, говорят, даже есть. Крепость настоящая.

– Нормально, – сказала Катька. – Нормальненько...

– Супер, – я спрыгнул из кузова на землю. – Хибара что надо. Я думал, будет болото какое-нибудь...

– Там и мебель есть, – кивнул шофер. – Вы правильно сделали, что ничего с собой не взяли.

– Мы взяли, – матушка улыбнулась водителю и достала из кармана столик. – И нужно бы разгрузить.

Водитель pokrивился, но столик взял, легко запрыгнул в кузов и стал быстро сбрасывать узлы с одеждой, коробки с посудой и другую необходимую в жизни дребедень. Мы с мамкой все это ловили и складывали в аккуратную кучу. Комп я водителю не доверил и спустил на землю сам.

Машина была разгружена за десять минут. Водитель отряхнул руки и вернулся в кабину.

– Ну, вот и хорошо, – сказал он. – Все, как надо, все, как прораб велел. Вы тут располагайтесь, а я поеду...

– Спасибо, – Катька улыбнулась водителю. – Приезжайте

еще.

– Ага, – водитель поморщился, – приеду...

Он захлопнул дверцу.

– Эй, погодите, – мама помахала водителю рукой, – а там, в этой избушке, кто живет?

Она указала пальцем на покосившийся дом по соседству.

– А, – водитель завел мотор, – так, никто...

– Там живет ведьма, – сказал кто-то.

Я обернулся.

Метрах в трех от въездных ворот стоял мальчишка. Он был одет в длинную резиновую куртку болотно-зеленого цвета и в безразмерные кирзовые сапоги.

– Кто? – спросил я.

– Ведьма, – шепотом повторил парень.

Водитель врубил передачу, прибавил газа, развернулся и покатил в гору.

– Ты кто? – спросил я у мальчишки.

Но парень ничего не сказал, побрел к реке.

– Чего стоим? – бодро спросила мама. – А ну, узлы в зубы и в дом все таскать!

Мы стали таскать вещи в дом. Я, правда, отнес всего два узла, да и то лишь до крыльца, а на третьем сделал вид, что у меня есть неотложное дело, и быстренько слинял.

Я выскочил за ворота и огляделся. Парень дошел уже почти до реки, только шагал он не напрямую, а в обход почерневшего деревянного дома, делая большой крюк по лугу.

Сначала я хотел ему крикнуть, чтобы он меня подождал, но потом подумал, что парень может испугаться и вообще свалить. Поэтому я решил его просто догнать. Крюк делать мне не хотелось, и я двинул прямо через двор наших соседей. Хотя двором это можно было назвать лишь с большой натяжкой – забор давно сломался и зарос травой, а огорода не наблюдалось вовсе. Так что я смело рванул мимо соседского домовладения. Шел себе прямо, иногда, конечно, поглядывал влево на окна домика. Но окна были такие замызганные, что ничего, кроме серой пелены, я не видел. Раз, правда, мне показалось, что что-то там промелькнуло в глубине, но вглядываться я не стал.

Мальчишку в резиновой куртке я догнал не скоро. Он как-то странно передвигался по берегу, то исчезал, то выныривал вновь, семафоря мне острым капюшоном своей куртки. Потом он вообще скрылся из виду, и мне пришлось даже немножко пробежаться.

Парень сидел на крутом песчаном берегу и жег микроскопический костерок из плавника. Ни тепла, ни какой-то пользы от этого огня не было, видимо, он жег его для своего удовольствия. Я подошел и сел рядом.

– Тебя как зовут? – спросил я.

Парень не ответил.

– Чего молчишь? – снова спросил я. – Не хочешь со мной разговаривать?

– Я с мертвецами не разговариваю, – ответил парень.

Глава III

Разговор с мертвецом

С реки потянуло холодом, я подобрал сухую коряжку и кинул в костер. Огонь весело затрещал, но теплее не стало. Вообще здесь было довольно неуютно, на берегу этой реки. Я подумал, что для этого места на самом деле лучше всего подходят резиновые куртки, надо тоже себе завести такую.

– Так «Урановый край» начинается, – сказал я. – Один чувак выясняет, что он мертв. Что он, типа, привидение. И ему надо знать, как это с ним случилось. Интересная игрушка, месяц играл... Но я, в отличие от того чувела, вроде жив.

– Это пока, – сказал парень. – И ненадолго.

– С чего это я вдруг буду помирать? – спросил я.

Парень промолчал. Я решил тоже помолчать. Все равно не выдержит, расколется. Всегда раскалываются, все.

Так и случилось.

– Я Горох, – сказал он. – Моя фамилия Горохов и меня зовут Горох. Я тебе ничего не скажу. Только так скажу – лучше вам отсюда уехать. И чем скорее, тем лучше.

– Почему?

– Потому, что кончается на «му»!

Парень снова замолчал. Тогда я развел его самым простецким способом.

– Да ты просто завидуешь, – сказал я. – Дом у нас классный, вот и хочешь пугануть. Чтобы жилось потяжелее.

– Дурак ты, – поморщился Горох. – Тут такое случилось в этом доме...

– Зловещее преступление на крыше! – перебил я. – Пришелец взорвал страусиный питомник!

– Да пошел ты, – обиделся Горох и поплотнее закутался в куртку.

– Не обижайся, – я дружески ткнул его кулаком. – Леденец лазерный хочешь?

– Как это?

Я достал из кармана обычный ананасовый леденец.

– Берешь леденец, суешь в рот. Жуешь. Потом останавливаешься и ждешь. Через две минуты открываешь рот, а оттуда лазерный луч!

– Бреешь! – сказал Горох.

– Попробуй, – я предложил ему леденец.

Горох протянул было руку, но потом вдруг передумал.

– У меня кариес, – сказал он. – Покажи сам.

Я пожал плечами, развернул обертку, сунул леденец в рот и стал жевать. Через две минуты я открыл рот, но никаких лазерных лучей оттуда, конечно, не выскочило.

Горох вопросительно на меня посмотрел.

– Влажность повышенная, – объяснил я. – Луч и коллапсирует. То есть распадается на фотоны.

– Тут теперь всегда влажно, – сказал Горох. – Как ведьма

приехала, так погода сразу и испортилась.

– Какая ведьма-то? – спросил я.

– А та, что рядом с вами живет, в кривулине.

– В какой кривулине?

– В избушке, что с домом вашим рядом стоит. Там ведьма живет.

– Ведьм не бывает.

Горох только усмехнулся.

– Все так думали, – сказал он. – Что ведьм не бывает. А бывают...

– Расскажи.

Горох огляделся. На берегу никого не было.

– Ладно уж, расскажу, – Горох перешел на шепот. – Только ты эту историю никому не пересказывай. Об этом у нас молчат, никто...

– Знаю, знаю, – сказал я. – Не колотись, я буду нем, как осьминог.

– Ну, хорошо, – шепот Гороха стал еще глуше, – слушай. Но это длинная история...

– Я никуда не спешу, – я подкинул в костер еще корягу.

– Ну, значит, так. Это все началось давно, лет десять назад. Сюда приехала ведьма. Но никто не знал тогда еще, что она ведьма, все думали просто старуха. Она купила вот этот старый дом и стала там жить. Живет, ни к кому в гости не ходит, в магазин не ходит, сама по себе. Ну, не хочет человек общаться и не хочет. А потом случилось. На косогоре тетка

одна с мужем жила, а у нее две коровы. И коровы паслись между ее домом и рекой, там трава сочная. И как-то раз одна корова зашла к дому старухи и стала жевать траву. Хозяйка коровы увидела и стала загонять свою скотину обратно, на гору. А та не идет, не хочет будто. Как прилипла. Хозяйка и кричит, и палкой ее бьет, все бесполезно. И вдруг дверь в кривулине раскрылась, и на улицу вышла ведьма. Посмотрела на корову, подошла, положила руку на спину и сказала: «Домой пойдет, в три дня на нет сойдет». И в дом вернулась. Корова тут же побежала домой. На следующий день хозяйка пошла ее доить, а корова кровью доится. И вся похудела и покрылась такими красными жилами. Тетка побежала к ветеринару. Он пришел, посмотрел и сказал, что такой болезни еще не видел, но, наверное, корова отравилась волчанкой. Назначил лекарство, но оно не помогло – сдохла корова, ровно на третий день. Стали мясо смотреть, а мяса и нет почти – все мясо в жилы превратилось. Так эту корову даже закапывать не стали – сожгли в котельной.

А хозяин, муж тетки, разозлился. Пойду, говорит, к этой ведьме, разберусь – порчу на скотину мою навела, пусть деньги плотит. Пришел, стал в окно стучать, денег требовать. Старуха вышла. Послушала его, послушала, а потом бах – достала откуда-то денег целую пачку и мужику дала. Хозяин схватил деньги и довольный домой побежал. А старуха ему вслед и сказала: «Деньги найдешь, руки потеряешь». Он не послушал, а через две недели ему молотилкой обе руки

и оторвало.

С тех пор с ведьмой никто не связывался. Конечно, от того, что она тут поселилась, сразу все портиться стало. Река обмелела, ягоды и грибы перевелись, скотина болеть начала, а люди стали помирать чаще. А молоко – так вообще дольше одного дня не хранится. Хотели ведьму выселить, да побоялись – старуха сказала, что у первого, кто на порог к ней ступит, вся семья повыведется, не пройдет и года. Никто и не решился. Так она здесь и осталась.

Горох покачал головой и еще раз оглядел берег.

– А в милицию не жаловались? – спросил я.

– А на что жаловаться? На колдовство, что ли? За дураков примут...

– Это точно, – сказал я. – Дураки...

Горох снова задумчиво покачал головой.

– И это все? – спросил я. – Вся страшная история?

– Не вся. Самое плохое дальше. Слушай. Только там еще долго...

– А я не тороплюсь никуда.

– Тогда слушай.

Я стал слушать дальше. Я любил всяческие истории, даже на специальные сайты порою заходя, чтобы прочитать про чудищ, вампиров и другую правдивую фигню.

Горох посмотрел на меня и продолжил рассказ:

– Земля эта, ну та, что возле реки, очень хорошая, жирная, почти чернозем, каждый год с реки илу наносит. Ого-

род там развести многие хотели, но с ведьмой никто не хотел связываться, я уже говорил, боялись. А два года назад приехал один мужик из города. Он коммерсантом был, а потом отошел от дел и захотел здесь поселиться на лоне природы, его родители тут когда-то жили, и он много об этом месте слышал. Ему место у реки сразу понравилось, и он сказал, что будет строиться здесь. Местные говорили, что нельзя тут дом ставить, лучше в трехстах метрах построить на пригорке, но бизнесмен не отступал. Стал строить.

Дом поставили быстро. Техники много пригнали, бригада целая из города приехала, даже, кажется, турки. Бизнесмен привез сюда свою семью. Жены и детей у него не было, только два брата, старший и младший. Стали они жить. Прожили два дня. На третий день утром они сидели за столом и ели яичницу. Вдруг двери открылись, и вошла соседка. Подошла к столу и говорит: построил, мол, дом, теперь уезжай отсюда, пока цел, я тут одна жила и дальше одна жить собираюсь. Бизнесмен усмехнулся и говорит: а если я не уеду, что будет? А старуха ему и отвечает: вас три брата, поэтому даю вам три месяца. Через три месяца не уедете, пеняйте на себя. А бизнесмен рассмеялся и сказал, чтобы старуха шла куда подальше, а то он сам ее уедет. Старуха только хмыкнула. Время идет, а бизнесмен не чешется, гуляет себе в свое удовольствие и жизни радуется. Три месяца прошло – ничего не случилось. Мужик веселится, старая дура, говорит, меня испугать просто хотела... А потом у старшего брата на руке

пятнышко вскочило. Он решил, что прыщ, замазал зеленкой и все. На следующий день пятнышко стало больше, с пятак размером. Сначала думали, что лишай, но это не лишай был – пятно сильно пекло. И вокруг него расползалась обожженная кожа. И больно уже было. Бизнесмен повел брата к местному доктору. Тот посмотрел и сказал, что тут надо не к доктору, а к знахарю идти, он как раз знает одного. Бизнесмен только посмеялся, а на следующий день в поликлинику в город поехали, но не доехали – дождем дорогу смыло, никак не пробраться, назад вернулись. На следующий день уже вся рука этим ожогом покрылась, он сам по себе появлялся, и боль от него была как от настоящего. Старший брат орал, а бизнесмен не знал, что делать. Стал по мобильнику в область звонить, чтобы вертолет прислали, а там сказали, что вертолет лишь через два дня отремонтируют, надо ждать. Бизнесмен опять по дороге поехал, а дорогу еще никак починить не могут, тогда он взял лодку и по реке двинул. Опять не получилось – течение такое сильное, что мотор против не вытянул. Еще через день ожог на половину туловища распространился, и брат уже в сознание не приходил, а следующим утром он умер. И как только он умер, у бизнесмена на руке появилось такое же пятнышко. Похоронили они брата, а бизнесмен с горя запил, а когда прочухался, у него уже на всю руку пятно распространилось. Он отрезвел сразу и в область рванул, дорогу к тому времени уже починили. Приехал в область, побежал в больницу, а там посмотрели и говорят:

ничего не знаем пока, надо анализы сделать. Взяли и срезали кусочек кожи. Только срезали, как кровь брызнула, с трудом остановили. Сказали прийти через два дня. Бизнесмен домой поехал. Младшего брата схватил и давай его осматривать – нет ли у него где тоже такого пятна? Не было. Тогда он отправился к старухе. Хотел было в дом к ней зайти, а она его на пороге встретила. Он ей и говорит – останови это, а то убью. А она ему лишь под ноги плюнула и к себе вернулась. Он тоже к себе вернулся и напился опять – больно очень, а водка вроде бы помогает. Проснулся, а уже половина туловища ожогом покрыта и боль просто жуткая. Спустился по лестнице, смотрит, а внизу, в гостиной, его младший брат ждет. И руку что-то трет. Бизнесмен схватил его за руку, а на руке ожог. Бизнесмен тогда в подвал спустился, схватил канистру с бензином и побежал к старухе. Он думал, она будет сопротивляться, а ведьма не сопротивлялась, как только бизнесмен внутрь вошел, она на пол села и стала чего-то бормотать. Он ее сграбастал и потащил на улицу, она тяжелая, как камень, и не шевелится, лишь бормочет что-то. А раньше недалеко от вашего дома баня была, он старуху в баню закинул, подпер поленом, канистрой плеснул и поджег. Сел на бревно, сидит, смотрит. А она не кричит, бормочет чего-то, бормочет. На бизнесмена смех напал, сидит, смеется. И кажется ему, что он забыл что-то сделать, а что – никак не может вспомнить. Огонь разошелся, вся баня уже горит, а старуха чего-то уже громко говорит, почти кричит, а что

– непонятно. Когда огонь до крыши дошел, тут бизнесмен и подумал, что трубу-то он забыл закрыть. Подобрал лестницу и к бане. Да только поздно уже было – из трубы сажа пыхнула – а за нею кошка. Зашипела и через огонь на землю шваркнулась. И удрала.

Бизнесмен в эту же ночь и помер. Остался только младший брат. Ему было десять лет всего. Он из дома этого ушел в тот же день, его дядя двоюродный из соседней деревни забрал, через реку. Вот и все.

Горох замолчал.

– А с ведьмой что? – спросил я. – С ведьмой-то что случилось?

– Ничего, – Горох пожал плечами. – Жива.

– И зачем ты мне все это рассказал?

– Затем, что вы в этот дом переехали. А значит, она к вам придет. Поэтому лучше уезжайте, пока еще не поздно. Уезжайте.

Горох поднялся, пнул костер. Головни полетели в воду и зашипели. Горох снял сапоги, вошел в воду и двинулся к противоположному берегу. Было мелко, река не доходила ему до колен.

– Эй, Горох, – позвал я, – а что с младшим-то братом сделалось? Жив остался?

– Жив, – остановился Горох. – В первую ночь, как он к дядьке переехал, случилось так. Он уснул, а потом вдруг проснулся. Открыл глаза, смотрит, а на тумбочке рядом с

ним кошка белая сидит. Младший стал на эту кошку смотреть и никак понять не может, то ли кошка это, то ли старуха, то ли кошка, то ли старуха. И чем дольше он смотрел, тем больше ему казалось, что это все-таки старуха. И вдруг это существо, что на тумбочке сидело, и говорит: живи пока. Но ко мне больше не суйся. А сунешься – все сначала начнется.

Горох двинулся дальше. Когда он дошел до середины реки, я снова его окликнул.

– Горох, – позвал я. – А ты откуда все это знаешь?

Горох улыбнулся и засучил правый рукав. Кожа на руке была сожжена и блестела. Это было видно даже издалека.

– Я третий брат, – сказал Горох. – Я остался жив.

Глава IV

Новоселье

Гостиная меня впечатлила. Она была выполнена в ультрасовременном стиле: пластик, стекло, металл какой-то блестящий, телевизор плоский из пола торчит. Кресла глубокие кожаные. Диван оранжево-голубой, немецкий, наверное. На стене гобелен – закованный в броню рыцарь поражает копьем языкастого дракона. Красота. И старинный, вероятно, дорогой. Видимо, сгоревший бизнесмен был человеком со вкусом. Я подумал, что вся эта история с проклятьем, превращениями и сжиганиями в бане никак не вяжется с этой гостиной и телевизором. Вполне может быть, что этот Горох просто местный дурачок. В каждой деревне должен быть дурачок, таков обычай. Возьми любую ролевку – там и то в каждой деревне дурачок, сидит на углу, слухи распространяет, подорожником жеваным торгует, а тут настоящее село.

Правда, гостиную несколько портил пустой аквариум с высохшими рыбами, но это ничего, аквариум можно и перезапустить.

И еще гостиную портили наши узлы с вещами. Они валялись в самом центре большого синего ковра и никак не вяжались со всей обстановкой. Вообще-то это были еще не все наши вещи, солидная часть барахла должна прибыть в кон-

це недели, пока же мы собирались довольствоваться тем, что привезли на грузовике.

Я пнул ближайший мешок и свалился в кожаное кресло, решив немножко посидеть, подумать об услышанной истории, да и просто понежиться. И только я погрузился в пахнущие дорогой кожей глубины, как со второго этажа спустилась матушка. В руках у нее была карликовая сосна в деревянном корытце. Бонсай. Наш папахен сильно уважал бонсай. Мать оглядела гостиную, подошла к телевизору и поставила на него кадку с сосной.

– К этому дереву будут комары слетаться, – сказал я.

– Комариные укусы повышают иммунитет, – заметила мать. – Гриппом болеть не будешь.

– Я и так никогда не болею...

Матушка достала из аквариума сухую рыбку, понюхала.

– Где болтался? – спросил она. – Только приехали, как сразу куда-то убежал!

– Исследовал местность, – соврал я. – Тут интересно...

– Отец говорил, рыбалка здесь отличная, – сказала мать и бросила мумифицированную рыбку обратно. – Караси-рекордсмены...

– Караси – это хорошо, – произнес я. – Слушай, ма, а кто тут раньше жил? Ну, в смысле в этом доме?

– А что? – матушка с удовольствием посмотрела вокруг. – Не нравится?

– Да не, нравится... Просто дом такой здоровенный, а ни-

кто не живет. Странно...

– Не знаю, кто раньше тут жил, но сейчас тут живем мы. Значит, это наш дом. У тебя, кстати, будет своя комната. И у Катьки. Вон по той лестнице на второй этаж. Бери свой компьютер и тащи давай.

– У меня нога болит, – снова соврал я, сам не знаю почему. – Бурсит застарелый...

– У тебя все время что-то болит, – сказала матушка, выбрала узел побольше и потащила вверх по лестнице.

Я вздохнул, проклял производителей громоздкой компьютерной техники и поволок коробки с железом наверх.

Моя комната была крайней по коридору. Рядом были небольшие комнаты для гостей, спальня родителей и комната Катьки. Я остановился перед дверью, опустил на пол коробки и достал из одной специально припасенную для такого случая штуку. Букву «М» (что означало «мужик») со специальной присоской. Я подышал на присоску и приладил ее к полированной двери. Затем вошел внутрь.

В комнате не было почти никакой мебели, только кровать и письменный стол у окна. Скорее всего, ее просто не успели обставить. От прежнего хозяина остался лишь плакат на противоположной от кровати стене. Волк с красными глазами, с клыками, шерсть дыбом. Вообще у меня были другие пристрастия, но этот плакат я решил не снимать, плакат мне, пожалуй, понравился. Он, правда, немножко отклеился, я взял скотч, отрезал два кусочка и прилепил нижние уг-

лы. Порядок.

Сунул коробки с компьютером в угол, потянулся с хрустом и с разбегу грохнулся на койку. И тут произошла странная штука. В тишине я совершенно явственно услышал мяуканье.

Мяу.

Густой, низкий звук.

Я вскочил с кровати и огляделся. И сразу же увидел. За окном сидела кошка. Белая. Даже, скорее, не белая, а какая-то бесцветная.

Кошка открыла пасть и снова мяукнула. Меня как-то неприятно поразило то, что в пасти у кошки я не заметил зубов. Красное отверстие, и все. Кошка положила лапу на стекло и повела ею вниз. Звук получился такой, как будто по стеклу провели гвоздем, от этого звука у меня заломило зубы и я даже зажмурился, а когда открыл глаза, кошки за окном уже не было.

Я кинулся к окну. Кошки не было видно. Я поднял раму и выглянул вниз.

Стена была совершенно отвесная и гладкая. Отщелкнув шпингалеты, я поднял раму до упора и высунулся наружу. Кошки не было. Зато я увидел дом соседки.

Сверху он выглядел совсем по-другому, сверху он выглядел как-то угрожающе. Дом будто тянулся в нашу сторону. Из стен его лезли какие-то длинные штуки, похожие на щупальца, сощурившись, я увидел, что это не щупальца, а про-

сто засохшие ветки каких-то гибких деревьев вроде лиан.

Я задвинул окно, дернул за веревочку и затянул жалюзи. И тут я подумал, что кошка была какая-то ненормальная. Какая-то слишком приземистая, с толстыми кривыми лапами и крупной головой. Такой головой кошка могла запросто пробить стекло вместе с жалюзи. Но не пробила. И как она удерживалась за окном?

– Поздравляю, – сказал я сам себе. – Сначала тебя посетил безумец, затем тебя навестила белая кошка-мутант. Следующим будет Годзилла ².

Я засмеялся, но мне было совсем не смешно, от этого происшествия на душе остался какой-то мутный осадок, я хотел было заняться сборкой компьютера, но этот самый осадок мешал мне предаться любимому делу, поэтому я решил воспользоваться давно испытанным приемом – сбросить этот осадок еще на кого-нибудь. Кроме Катьки никого подходящего под рукой не было, поэтому я сразу направился к ней.

Каткина комната мало чем отличалась от моей. Кровать, стул, стол у окна, комод. Стены выкрашены в цвет незрелого лимона. Над кроватью миленькая акварельная картинка. Горы, озеро, снежные вершины. Рамка из розоватого теплого дерева. Красиво.

Катка занималась своей излюбленной деятельностью – собирала кукольный дом для своей тупой куклы Барби и ее дурацкого приятеля. Я вошел в ее комнату, пнул какую-то

² Годзилла – гигантский ящер, персонаж серии японских фильмов.

плюшевую розовую свинью и уселся на пол. Катька сразу же схватила свинью и стала ее качать на руках и утешать. Мне же она сказала:

– Придурок.

Я проигнорировал ее высказывание, схватил ближайшую пластиковую куклу, свернул ей башку и закинул под кровать.

– Чего тебе надо? – спросила сестра уже миролюбивее.

Этих девчонок надо держать в кулаке, дашь слабину – на шею сядут.

– Скажи мне, Катька, – спросил я. – Ты когда-нибудь с мальчиком целовалась?

– Нет... – растерянно протянула Катька.

– Это ты зря, – я мрачно улыбнулся. – Зря...

– Почему? – обиженно спросила Катька.

– Потому что ты скоро помрешь, – совершенно спокойным голосом сказал я. – Коньки отбросишь в северном направлении.

– Как это? – испугалась Катька.

– Так. Умрешь в расцвете лет. Ты кошку белую тут не видела?

– Видела... – прошептала сестра. – Она на крыше избушки сидела...

– Какой еще избушки?

Катька указала пальцем в окно.

– Это не избушка, – покачал головой я. – Это не избушка, это обитель зла. Понимаешь, там живет одна бабка. А она

покаялась, что все девочки, которые будут жить в этом доме, умрут, не достигнув тринадцати лет...

– Врешь...

– Когда она была маленькой, ей тринадцатилетняя девочка выбила камнем глаз. И теперь она мстит всем тринадцатилетним девочкам. Смотри, на ночь окно закрой, а то белая кошка придет за тобой. Белые кошки гораздо страшнее...

Катька рванула в родительскую комнату. «Мама!» – орала она по пути. – «Мама!»

Через минуту в комнату вошли матушка и заплаканная Катька.

– Ты чего сестру пугаешь? – спросила матушка.

– Я? – удивился я.

– Ты, ты. Страшные истории ей какие-то рассказываешь...

– Страшные истории? Я ей просто сказал, что если она не избавится от прыщей, на нее ни один парень не посмотрит...

– У меня нет прыщей! – завизжала Катька. – Ты все врешь!

И она кинулась на меня, растопырив пальцы. Но я был ловчее, я увернулся от Катькиных когтей, проскользнул под рукой матери и укрылся в своей комнате.

Мне полегчало.

Через некоторое время мать принялась стучаться в дверь, но я не открыл, сделал вид, что меня вроде как нет. Мать сказала, что к ужину я могу и не спускаться, так как она не хочет меня видеть. Я не очень расстроился, я знал, что ко времени ужина мать отойдет. А пока, чтобы скоротать вре-

мя, принялся разбирать коробки.

Но очень скоро мне и это надоело, и я высыпал все, что было в этих коробках, на пол и улегся рядом отдохнуть. Я лежал, смотрел в потолок и снова думал о рассказе Гороха, и мне почему-то казалось, что старухин дом как-то подслушивает мои мысли. Я осторожно подкатился к окну и выглянул из-под нижней планки жалюзи.

Дом стоял на месте. В сумерках он превратился в большое мутное пятно и выглядел мертвым.

Потом снизу потянуло чем-то жареным и вкусным, и я спустился к ужину.

Оказалось, что это не простой ужин, а праздничный, ужин по поводу новоселья. На столе красовались бутылка шампанского, две свечи и торт. Другой праздничной еды, правда, не наблюдалось, а из непраздничной была пицца с грибами шампиньонами и пицца с какими-то подозрительными каракатицами, которые Катька и мать называли морепродуктами. Нормальной пиццы, с ветчиной и сыром, не было, и поэтому мне пришлось ограничиться тортом и газировкой.

Матушка резала ножом каракатиц в тесте и запивала их шампанским, а Катька уничтожала торт со скоростью саранчи. Ужин продолжался довольно скучно. Не хватало папахена, он непременно рассказал бы парочку смешных историй из строительной практики, расшевелил бы это болото с морекаракатицами.

Так все и шло. Стук в дверь раздался, когда все интерес-

ное, в смысле торта, уже доедали, и я собирался было вспомнить одно срочное дело...

Стук.

Все почему-то вздрогнули, даже я.

– Кто это? – тихо прошептала Катька.

– Это за тобой, – трагическим голосом сказал я. – Собирай манатки! В лунном свете страшной ночью за тобой крадется он...

– Прекрати! – одернула меня мать.

Она даже треснула по столу кулаком, так, слегка. Затем встала и направилась к двери. И уже протянула руку к замку, как вдруг я вспомнил, что в этом нашем новом доме есть забор и есть ворота. Весьма крепкие и серьезные. А чтобы пройти через ворота, если у тебя нет электронного ключа, надо позвонить в домофон. А в домофон никто не звонил.

– Стоп! – крикнул я. – Подожди! В домофон ведь не звонили!

– И действительно... – мать остановилась. – Не звонили...

– Ты когда возвращался, дверь забыл закрыть, болван, – сказала Катька. – А доводчик, наверное, не сработал, вот и все...

Я совершенно точно помнил, что дверь я закрывал и что доводчик сработал нормально. Но сказать об этом уже не успел – матушка щелкнула замком, и дверь открылась.

За дверью никого не было. Мать отворила дверь пошире, выглянула, повертела головой.

– Никого... – растерянно сказала она. – Видимо, замыкание в звонке... Тут влажность повышенная.

– В дверь не звонили, – напомнил я. – В дверь стучали.

– Наверное, ветер. Выйду, посмотрю...

– Осторожнее, – предостерег я. – А вдруг там кто прячется?

Мать еще раз выглянула за дверь и пожала плечами – никого, мол.

– Я тоже хочу поглядеть! – Катька выскочила из-за стола.

– Сиди на месте! – рявкнула на нее мать.

Катька надулась и осталась на месте. Мать закрыла дверь и вернулась за стол.

– Ветер, – повторила она и положила себе на тарелку кусочек торта. – А ты, друг мой, – улыбнулась мне мать, – ты лишен недельных денег.

Я сделал вид, что это известие меня просто уничтожило, хотя на самом деле я не очень сильно расстроился – здесь все равно эти деньги некуда было тратить. Единственное, что меня раздосадовало, так это то, что Катька сразу же стала корчить мне торжествующие рожи и показывать кукиши. Я хотел было покарать ее не вставая из-за стола, сделать ей хорошую сливу, но мать опередила меня предупреждающим подзатыльником.

Дальше ужин проходил в молчании, я по-быстрому развязался с последним кусочком торта и поднялся в свою комнату.

Комната все больше начинала мне нравиться. Мало мебели, много места. На всякий случай я отодвинул кровать и посмотрел, не закатилось ли туда что от прежних хозяев. Там ничего не обнаружилось. Ни утыканных иголками кукол, ни похоронных венков, ни даже потайных люков с ножами, куда ночью должна проваливаться всякая нормальная кровать в доме с привидениями. Я посмеялся над своей мнительностью, расстелил постель и собрался уже уснуть, как вдруг мне в голову пришла прекрасная идея. Перед сном я решил отомстить Катьке за ее скверное поведение и за отвешенный мне подзатыльник.

Катька валялась на кровати, читала девчоночью книжку и чего-то перерисовывала в альбомчик с собачками.

– Слышь, Кать, – спросил я, – вот у тебя по русскому языку всегда пять было, да?

– Чего надо? – злобно спросила сестра.

– Хочу с тобой проконсультироваться.

Катька сразу оттаяла – она обожала, когда кто-то просил у нее консультации, она сразу же казалась себе такой взрослой и умной.

– Чего тебе там? – спросила Катька уже миролюбиво.

– Спросить хочу – как правильно говорить, «останки» или «остатки»?

Катька задумалась на секунду, а потом сказала:

– Если, допустим, еды, то остатки. А если кто-нибудь умер, то останки. А тебе зачем?

– Да вот помнишь, в дверь за ужином постучали, а никого не было?

– Ну? – Катька насторожилась.

– Это за тобой ведьма приходила, – обреченным голосом сказал я. – Вот я и не хочу дурнем выглядеть, когда твои останки пойду опознавать...

– Свинья! – Катька кинула в меня своей книжкой.

Не попала.

Глава V

Визит

Утром у меня болела голова. Видимо, ночь была слишком душной, а я забыл приоткрыть окно.

Я встал, почистил зубы, умылся и скатился вниз, в столовую.

Общего завтрака в нашей семье заведено не было, каждый завтракал в удобное ему время. Я, например, вообще не завтракал, съедал только сушеный банан для улучшения физической активности. Катька рубала перед школой мюсли, а родители готовили себе салат из питательной морской капусты и яичных белков.

В столовой я обнаружил матушку и Катьку, они разбирали коробки с посудой, осторожно, будто мины обезвреживали.

Я устроился в кресле рядом с холодильником и стал планировать сегодняшний день. Первым делом съем банан. Затем посижу немного, подумаю о жизни. Потом отправлюсь исследовать дом, вчера я успел познакомиться лишь со своей комнатой, гостиной и столовой, а оставались еще спортзал, зимний сад, чердак и множество других помещений.

Женщины закончили со своей посудой и приступили к приготовлению пищи. Правда, фантазии у них хватило лишь на яичницу с ветчиной, как всегда, и, как всегда, я от нее

отказался. Достал из сумки банан и сжевал. Мать посмотрела на меня с неодобрением, она все боялась, что я этими бананами заработаю себе язву желудка и всю жизнь буду трудиться только на лекарства. Чтобы предотвратить нравоучительную антибанановую беседу, я тоже решил вложить свой вклад в домашнее хозяйство, взял из коробки нож и начал пилить им по точилу, это называлось «выполнять мужскую работу».

Мать и Катька доели глазунью и продолжили обустривать столовую. Они притащили коробку с семейным серебряным сервизом и стали его разбирать, разглядывая каждую тарелку и сопровождая все это восхищенными вздохами. Коробка быстро опустела, на дне остался лишь большой семейный кофейник. Мать протерла руки, торжественно опустила их в коробку и осторожно извлекла на свет драгоценность. Мы привычно задержали дыхание, и в установившейся тишине я услышал, как хлопнула входная дверь.

Мать уронила кофейник и посмотрела через дверь кухни в сторону прихожей. Катька тоже.

Я первым оценил ситуацию, сорвался с места и дернул в гостиную. Конечно, надо было бы заглянуть к себе в комнату и прихватить бейсбольную биту, но наверх я уже не успел бы. К тому же наверх можно было попасть все равно только через гостиную.

Дверь действительно была открыта. За порогом стояла женщина лет пятидесяти.

Я запомнил ее и помню до сих пор. В самых душных кошмарах, когда я вскакиваю с постели, задыхаясь от ужаса, я вижу ее. Костриху. Так ее все звали. Дарья Кострова. Местные называли ее Кострихой. И всегда произносили ее имя шепотом.

Она не была горбата. У нее не было крючковатого носа с бородавками и длинных пальцев с черными когтями. Она не хромала и не перевязывала живот колючей проволокой. И зубы у нее, на удивление белые, будто она чистила их самой современной и дорогой пастой, все были целы. Вообще она не была похожа на ведьм, как их обычно описывают в книжках или показывают в кино. Женщина как женщина, немного полная, с круглым лицом и сильными руками, одета в заурядный серый плащ, в руке потертая кожаная сумка. Только вот глаза... Глаза были черными. И зрачок, и радужная оболочка были глубокого угольного цвета, отчего глаза казались двумя дырками в другое измерение. Такой эффект наблюдается у людей с темными глазами, я это и раньше замечал. Наверное, отсюда и идут истории про сглазы, порчу и другие страшности.

И волосы еще. Волосы у женщины были белые. Нет, она не была ни блондинкой, ни седой. Ее волосы имели какое-то промежуточное состояние между сединой и белым цветом. Цвет ее волос показался мне очень неприятным, каким-то тошнотворным, что ли...

Я стоял почти прямо перед ней, и в моей голове вертелась

фраза из какого-то фильма ужасов, в нем мальчишка боролся с вампирами, убившими всю его семью, а произошло это потому, что его отец пустил в дом незнакомца, а тот оказался вампиром. «Никогда не приглашай чудовище в дом», – говорил этот парень.

Никогда не приглашай в дом чудовище.

– Входите, входите, – из-за моего плеча сказала мать. – У нас дверь плохо работает...

Как всегда, я ничего не успел.

Женщина кивнула и переступила порог.

Она остановилась посреди комнаты и смотрела мимо меня, просто стояла и молчала, даже не мигая.

– Здравствуйте, – сказала мать. – Вы, наверное, наша соседка? Это очень хорошо, что вы пришли познакомиться, мы соседям очень рады. Мы тут новенькие и никого не знаем...

И тут произошло то, чего я совсем не ожидал.

– Я тоже очень рада, – удивительно красивым голосом сказала женщина. – А то как прошлый сосед... уехал, так мне одной так скучно тут стало. Сюда ведь к берегу мало кто заходит, тут глухо...

– Да, – кивнула мать, – здесь хорошо. Тихо. Природа. Мы тут, правда, ненадолго, на пару лет всего, пока объект не закончим...

– Жаль, – вздохнула женщина. – Очень жаль. Без соседей плохо... Хотя мне почему-то кажется, что вы задержитесь тут надолго. Вам здесь понравится, и вы задержитесь надолго.

– Да? – улыбнулась мать дурацкой приветливой улыбкой.

– Да. Тут прекрасная природа, река, лес... Многие остаются тут надолго. Некоторые даже навсегда.

И она почему-то посмотрела на меня.

– А что? – мать подмигнула мне. – Давайте останемся здесь навсегда?! Будем с отцом на рыбалку ходить, за грибами...

– Не хочу тут навсегда, – сказала появившаяся из столовой Катька. – Хочу в Москву! Хочу в аквапарк!

Мать засмеялась. Женщина тоже улыбнулась.

– Дочь и сын, – она посмотрела сначала на меня, затем на Катьку. – Это прекрасно. У вас настоящая семья...

– А вы ведьма? – неожиданно брякнула Катька.

– Катерина! – мать даже покраснела.

– С чего это ты подумала, что я ведьма? – соседка шагнула к Катьке.

– А мне он сказал, – и эта дура указала на меня пальцем.

Соседка впервые взглянула на меня. Вернее, мне в глаза.

– Он сказал, что вы ведьма, – сказала Катька.

– Дура, – попытался выкрутиться я, – я тебе просто хотел историю страшную рассказать, а ты ничего не поняла...

– Сам дурак! – Катька показала мне язык и юркнула в столовую.

– Ну, держись! – я воспользовался ситуацией и побежал за Катькой.

Но в столовой я сразу остановился, развернулся и прибли-

зился к двери в гостиную.

Мать и соседка беседовали о погоде и о том, как проще всего пройти к ягодным местам, о ценах за электроэнергию, ничего интересного.

Я был несколько разочарован. Я ожидал, что прямо с порога соседка обрушит на нас какое-нибудь жуткое проклятие, сверкнет молния, ударит гром и вот тут-то и начнется самое интересное. Но никакого проклятия не последовало, молния не полыхнула, гром не прогремел, они с матерью просто стояли и разговаривали, как старые добрые подружки.

Потом соседка ушла.

В столовую заглянула матушка.

– Эта тетенька мне совсем не понравилась, – сказала Катька. – Какая-то она не такая...

– Обычная тетенька, – произнесла мама. – Скучно ей одной, вот она и ходит по соседям. В сельской местности такое распространено.

– Опять что-то с дверью, – я устроился в кресле и стал дышать на наш реликтовый кофейник и протирать его рукавом. – Ведь никакого звонка не было...

– Завтра вызову электрика со стройки отца, пусть все посмотрит.

– Папа у нас сам электрик, – вставила Катька.

– Он главный инженер, а не электрик, – поправила мать. – К тому же он приедет только через две недели, а с дверью

надо что-то решать...

– Лучше собаку завести, – посоветовал я. – Собака сразу чует, если в доме что неладно...

– А что неладного может быть в доме? – спросила матушка.

Я стал изучать потолок.

– Я тебя, кажется, спрашиваю, – мать грозно повысила голос.

– Говорят, что все предыдущие хозяева этого дома умерли страшной смертью...

Мать посмотрела на меня с усталой усмешкой.

– Прежние хозяева этого дома уехали в Испанию на постоянное место жительства и продали дом нашей строительной компании. Если уехать в Испанию – значит умереть страшной смертью, то...

– А ты их видела? – спросил я. – Хозяев-то?

– Друг мой, – матушка стала разговаривать со мной, как с маленьким ребенком, – в каждой уважающей себя деревне есть дом с привидениями, о котором местные жители расскажут множество страшных историй. И в каждой деревне есть колдунья, которая во всем виновата. Или колдун, который наводит порчу на фермерских свиней. Или пруд с русалками. Так водится, это фольклор. Сказки, байки, легенды...

Я промолчал.

– Сын, – теперь мать обращалась ко мне тоном старого умудренного жизнью товарища. – Ты просто не представля-

ешь себе, что значит чем-то отличаться от других. Особенно в деревне. Если ты отличаешься от деревенских, то тебя будут травить. Эту несчастную женщину наверняка травят...

– Ну-ну, – сказал я. – Не похожа она на несчастную что-то... Пойду я погуляю. Посмотрю, что тут да как...

– Осторожнее с местными ребятами, – посоветовала мне мать. – Они чужих не любят...

– Не бойсь, ма, – ответил я. – Чужие здесь не ходят...

И я выскочил на улицу.

Дверь в воротах закрыта. Как попала к нам соседка, было непонятно. Скорее всего, где-то в заборе имелся лаз, по которому соседка и пробралась. Я подумал, что надо будет пройти вдоль забора и поискать прореху, но это потом. А сейчас хорошо бы сходить в село, купить болванок к компьютеру. Вообще-то мне, конечно, дисков не надо было, но хотелось посмотреть на эту деревню, оценить, так сказать, атмосферу. Конфликта с местной молодежью я не опасался – я прекрасно помнил, что в местную школу ходило всего ничего учеников. Если учесть, что половина из них младше меня, а еще половина из этой половины – девчонки, то какой-то реальной угрозы не существовало. А с оставшейся парой ребят я как-нибудь бы договорился. Или справился бы.

Я вышел за ворота, потянулся и медленно побежал вверх по холму, к селению. На полпути остановился и оглянулся назад, и мне снова показалось, что случилось нечто странное. Мне показалось, что наш новый дом чуть сдвинулся в

сторону, а дом соседки, наоборот, чуть приблизился, будто подполз прямо к самому нашему забору. Я потер глаза. Соседкин дом встал на свое место. Скорее всего, имела место иллюзия, вызванная изменением угла зрения, такое частенько бывает. Поэтому я решил не забивать себе голову всякими иллюзиями и поковылял дальше.

Село оказалось большое, но несколько однообразное, все сплошняком двухквартирные одноэтажные дома, похожие на кирпичи, наверное, раньше здесь развивалось какое-то производство и дома строили централизованно. К тому же все эти дома оказались расставлены вдоль одной улицы, и до центра мне пришлось добираться долго.

Центр меня ничем не поразил. Один магазин «Продтовары», другой «Промтовары». Между ними кафе «Медведь-2». «Медведя-1» нигде видно не было. Сначала я направился в «Промтовары» и нашел там много чего интересного, например, совершенно новый аудиоплеер производства 1990 г. за сто двадцать рублей или детское оцинкованное ведро на двенадцать с половиной литров с выгравированным на нем Микки-Маусом. В «Промтоварах» было все, кроме не очень нужных мне болванок.

«Продтовары» порадовали меня богатым ассортиментом соков, лимонадов и других фруктовых напитков, но пить мне сейчас не хотелось, мне хотелось шоколадки. Народу перед кассой было немного: две бабульки, мелкий паренек, паренек покрупнее и девчонка лет, наверное, двенадцати. Я встал

в очередь и сделал себе лицо английского колонизатора, приехавшего на экскурсию в африканскую деревню и решившего немножечко освежиться кокосовым молоком. Очередь не обратила на меня никакого внимания, будто английские колонизаторы приезжали к ним ежедневно, и продолжила разговор.

– Ты лучше отдай мои перчатки, – говорила девчонка. – Я же знаю, ты их взял на своем драндулете кататься. Отдай, а?

– Да не брал я твои перчи, – отнекивался парень, – не брал. Они мне малы, посмотри на свои руки и на мои.

Парень продемонстрировал свои руки. Они и в самом деле были большие и в придачу перепачканные машинным маслом.

– Перчатки с обрезанными пальцами, а по запястью звездочки серебристые. Мне родители из Новой Зеландии прислали...

– Мне что из Зеландии, что из Новой Гвинеи, разницы нет. Я их не брал.

Они замолчали и стали рассматривать полки с товарами. Потом паренек постарше оглянулся, улыбнулся мне и сказал, видимо, чтобы не выглядеть глупо:

– Привет. Ты новенький?

– Угу, – усталым от жизни голосом сказал я.

– К бабушке приехал? На каникулы?

– Не. Жить тут буду.

– Дом купили?

Мне не очень нравились такие расспросы, но я решил, что это нормальное поведение в этой местности, и сказал:

– Не купили. Отец мой работу здесь получил, дом дали...

– Это какой это?

– А, там, у реки, – ответил я.

– С красной крышей? – глаза у паренька округлились.

– С черепичной крышей, – поправил я. – А что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.